

С.Н. Гуськов

ГОНЧАРОВ И ГОГОЛЬ: ОБ ОДНОМ ПАРАДОКСЕ В ИСТОРИИ ТЕКСТА «ОБЛОМОВА»

Многочисленные суждения И.А. Гончарова о Н.В. Гоголе в художественных, литературно-критических, мемуарных, публицистических и эпистолярных текстах оставляют впечатление, что в сознании автора «Обломова» существовало два Гоголя. Первый — гениальный продолжатель Пушкина, неразрывно с ним связанный; другой — основатель реального направления в литературе, весь ушедший в отрицание¹. Этой двойственностью отношения к Гоголю объясняется любопытный эпизод в творческой истории романа «Обломов», о котором чуть позже.

Гоголь — один из наиболее часто цитируемых в произведениях Гончарова авторов, уступающий, быть может, только Пушкину. Гончаров не только называл Гоголя своим учителем в литературе, но и неоднократно утверждал, что знает все его тексты практически наизусть².

О влиянии Гоголя на творчество Гончарова вообще и, в частности, о влиянии поэмы «Мертвые души» на роман «Обломов» писали очень многие критики и исследователи.

В 1963 г. русский эмигрантский философ и богослов В.Н. Ильин опубликовал в парижском журнале «Возрождение» статью с характерным названием «Продолжение „Мертвых душ“ у Гончарова»³. Автор в ней, в частности, утверждает: «Главная заслуга большой русской литературы <...> заключается в том, что ею раскрыты метафизические корни угасания и уничтожения человеческой души в условиях *официального* состояния и социализирующих ядов быта, совершенно независимо от какого бы то ни было строя»⁴. Пио-

¹ Ср.: «...от Пушкина и Гоголя в русской литературе теперь еще пока никуда не уйдешь. Школа пушкино-гоголевская продолжается доселе, и все мы, беллетристы, только разработываем завещанный ими материал» (*Гончаров. Собр. соч.* Т. 8. С. 76); «Русская беллетристика, со времени Гоголя, все еще следует по пути отрицания в своих приемах изображения жизни...» (Там же. С. 143).

² И это не было преувеличением. 15 мая 1872 г. Иван Александрович пишет К.Ф. Ордину в ответ на посылку гоголевских сочинений: «За Гоголя очень Вам благодарен: но я полагаю, что возвращу <...> его — ибо для библиотеки моей он не нужен. Я его помню — разве пробегу кое-что опять и возвращу». И действительно, уже в следующем письме от 16 мая Гончаров пишет: «Препровождаю обратно и Гоголя: не знаю, зачем я пожелал его! Где ни разверну — везде все почти наизусть знаю!» (Труды Государственной публичной библиотеки. Л., 1960. Т. 11. С. 159–160).

³ *Ильин В.Н.* Продолжение «Мертвых душ» у Гончарова // *Возрождение* (Париж). 1963. № 139. С. 43–70.

⁴ Там же. С. 44.

нером этого направления «большой русской литературы» назван Гоголь, а его самым характерным последователем — Гончаров. Ильин характеризует «Обыкновенную историю» как «повесть об убиении души через духоугашение», а «Обломова» — как «повесть о гибели одной души»¹. Содержание статьи для заявленной темы представляет относительный интерес, но любопытно именно ее название, в котором отразилось вполне укоренившееся в критике и научной литературе представление о Гончарове как о ближайшем последователе Гоголя.

Мысль о связи романа «Обломов» и поэмы «Мертвые души» возникла сразу после публикации романа и на протяжении ста пятидесяти лет многократно повторялась в разных вариациях критиками, писателями-современниками, а в дальнейшем — исследователями творчества Гончарова и Гоголя.

Уже Н.А. Добролюбов в качестве эпиграфа к статье «Что такое обломовщина?» выбрал цитату из второго тома «Мертвых душ»² и сопоставил Обломова и гоголевского Тентетникова³. Мысль о Гончарове как наследнике Гоголя прозвучала и у А.В. Дружинина в рецензии на роман «Обломов»⁴, позже об этом писали А.П. Милоков⁵, Д.С. Мережковский⁶, Д.Н. Овсяннико-Куликовский⁷ и др.

Но если Добролюбов, сравнивая Обломова и Тентетникова, выстраивал типологический ряд, в который включал и Онегина, и Печорина, и Рудина, то, например, Д.В. Григорович просто упрекал Гончарова в подражании Гоголю: «Обломову он придал тот смысл, что в нем хотел изобразить сонливость русской природы и недостаток в ней внутреннего подъема. Задача характера Обломова целиком между тем выражена в лице помещика Тентетникова во второй части „Мертвых душ“, не будь Тентетникова, не было бы, может быть, и Обломова»⁸.

В суждениях критиков о сходстве произведений Гончарова и Гоголя сравнение Обломова с Тентетниковым присутствует почти всегда. Историк литературы и общепризнанный знаток творчества Гоголя В.И. Шенрок заметил, что «едва ли он <Гончаров> мог бы отрицать <...> в Обломове то маниловщину, то робкую и застенчивую нерешительность Шпюньки и Подколесина (в отношении брака), то, наконец, бесплодную, но задающуюся огромными планами, нравственную распущенность, свойственную Тентетникову и Манилову. Далее, разве в Гарантьеве Гончарова <...> мы не находим некоторых ноздревских черт, а в Штольце и Тушине — отголосков тен-

¹ Там же. С. 45, 65.

² Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина? // «Обломов» в критике. С. 34.

³ Там же. С. 47–48.

⁴ Дружинин А.В. «Обломов». Роман И.А. Гончарова. Два тома. СПб., 1859 // Там же. С. 106–125.

⁵ Милоков А.П. Русская апатия и немецкая деятельность // Там же. С. 125–143.

⁶ Мережковский Д.С. Гончаров (В сокращении) // Там же. С. 173–186.

⁷ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Илья Ильич Обломов // Там же. С. 231–265.

⁸ Григорович Д.В. Из «Литературных воспоминаний» // Гончаров в воспоминаниях. С. 57.

денциозной и ходульной идеализации Костанжогло и других героев второго тома „Мертвых душ“?»¹

Сходство гончаровских и гоголевских персонажей было замечено И.Ф. Анненским: «...не в прямом ли родстве состоит Обломов с Тентетниковым и семьей Платоновых?» («Эстетика „Мертвых душ“ и ее наследье»)², К.Н. Леонтьевым: «Обломов это тот же Тентетников „Мертвых душ“ — только удачнее и симпатичнее исполненный»³, Д.Н. Овсянко-Куликовским: «Обломов должен быть вместе с Тентетниковым причислен, говоря словами Гоголя, „к семейству тех людей, которых на Руси много, которым имена — увальни, лежебоки, байбаки и тому подобные“»⁴, и др.

На связь «Обломова» с гоголевскими текстами, в основном с поэмой «Мертвые души», обращали внимание и многие исследователи. Пожалуй, наиболее подробно эта связь рассматривается в работах Н.И. Пруцкова⁵, В.А. Десницкого⁶, В.А. Недзвецкого⁷, Е.А. Краснощековой⁸. Затрагивается эта тема и в академическом комментарии к «Обломову» В.А. Туниманова (VI, 200–204).

Пруцков полагал, что именно «роман „Обломов“ обнаруживает наиболее глубокую творческую связь с поэтикой Гоголя. Гоголевское начало ощущается в воспроизводимых Гончаровым характерах. Как и Гоголь, Гончаров при обрисовке портрета и характера героя дает детальное, исчерпывающее изображение окружающей бытовой обстановки и выявляет ее единство с персонажем. Он с большим мастерством показывает интимную связь людей и окружающих их предметов. Гончаров умеет по-гоголевски уловить и рельефно представить основную черту характера. Об этом свидетельствует не только образ Обломова, но и Алексеева, Тарантьева. Исследователи указывали на единство мечтаний Обломова и Чичикова, на нравственную безликость Алексеева и Манилова. Следует также отметить и „ноздревскую“ наглость, свойственную натуре Тарантьева»⁹.

По мнению Десницкого, в «Обломове» гоголевское влияние выступает «резко и определенно»¹⁰; он обнаруживает сходство в портретах Обломова и Алексеева (разновидности обломовского типа), с одной стороны, — и Манилова, с другой, в описаниях кабинета Обломова и дома Манилова, в мечтаниях Обломова — и мечтаниях Манилова и Чичикова; сопоставляет размыш-

¹ Шенрок В. Н.В. Гоголь // Русская старина. 1902. Т. 109. № 2. С. 278–279.

² Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 230 (сер. «Лит. памятники»).

³ Леонтьев К.Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой (1888) // Л.Н. Толстой: Pro et contra. СПб., 2000. С. 156.

⁴ Овсянко-Куликовский Д.Н. Илья Ильич Обломов // «Обломов» в критике. С. 234–235.

⁵ Пруцков Н.И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962.

⁶ Десницкий В.А. Трилогия Гончарова // Десницкий В.А. Статьи и исследования. Л., 1979. С. 165–212.

⁷ Недзвецкий В.А. И.А. Гончаров — романист и художник. М., 1992.

⁸ Краснощекова. С. 226–241.

⁹ Пруцков Н.И. Мастерство Гончарова-романиста. С. 90.

¹⁰ Десницкий В.А. Трилогия Гончарова. С. 170.

ления Чичикова над списком мертвых душ и раздумья Обломова над письмом старосты; отмечает, что «строгий реалист Гончаров переходит к образам, пафосу, ритмике героических пейзажей Гоголя, когда переносится в царство обломовского „сна“»¹.

Оставим в стороне типологические параллели и сосредоточимся на суждениях о заимствованиях из «Мертвых душ» в «Обломове». Чаще всего в этой связи говорили о сходстве Обломова и Тентетникова и, более того, любовных историй Обломова—Ольги и Тентетникова—Улиньки. Туниманов в академическом комментарии к роману, подводя итог публикациям на эту тему, пишет следующее: «Параллель Обломов—Тентетников, вполне закономерно возникшая у целого ряда критиков и исследователей, нуждается, однако, в одной очень существенной коррекции: черновики первой и второй редакции поэмы Гоголя были изданы в 1855 г. <...> и только тогда Гончаров имел возможность познакомиться с Тентетниковым и другими героями второй части поэмы, а к этому времени образ Обломова уже сложился, и не только в общих чертах» (VI, 202). Это, с одной стороны, совершенно справедливо, с другой, все же вторая, третья и четвертая части романа, (т.е. собственно роман Обломова и Ольги) были написаны в 1857—1858 гг., когда Гончаров уже имел возможность прочесть текст второго тома «Мертвых душ». Нельзя исключить, что второй том гоголевской поэмы мог повлиять на тот новый роман, который Гончаров написал в 1857 г. в Мариенбаде. Но у Гоголя сюжет этот набросан настолько, по сравнению с Гончаровым, схематично, эскизно, что стоит говорить не о влиянии даже — а о намеке, подсказке...² Использование Гончаровым этой подсказки, вопреки его крайне щепетильному отношению к литературным заимствованиям³, могло быть совершенно осознанным и, вероятно, преследовало вполне определенную цель. В данном случае следует говорить не о заимствовании, а о реапроприации гоголевской схемы. Разрабатывая едва намеченный Гоголем характер, Гончаров, во-первых,

¹ Там же. С. 179.

² «Тентетников и Платонов — это только эскизы, и потому сравнивать их с Обломовым совсем неправильно. <...> гоголевские типы только намекают на гончаровского героя. Содержание самого типа Обломова богаче гоголевских прототипов» (Анненский И. Ф. Книги отражений. С. 266).

³ Отношение это хорошо известно по истории с И. С. Тургеневым, но проявлялось и значительно раньше. Один из своих ранних замыслов, роман «Старики», Гончаров воспринимал как зависимый и считал вторичным по отношению к «Старосветским помещикам» Гоголя. В. А. Солоницын успокаивал Гончарова в письме от 6 марта 1844 г.: «Наконец — идея Вашей нынешней повести. Если в русской литературе уже существует прекрасная картина простого домашнего быта («Старосветские помещики»), то это ничуть не мешает существованию другой такой же прекрасной картины. Притом в Вашей повести выведены на сцену совсем не такие лица, какие у Гоголя: а это придает совершенно различный характер двум повестям, и их невозможно сравнивать. Предположение Ваше показать, как два человека, уединясь в деревне, совершенно переменились и под влиянием дружбы сделались лучше, есть уже роскошь. Если Вы достигнете этого, то повесть Ваша будет вещь образцовая» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 152. Л. 7—7 об.).

заявлял о себе как о настоящем продолжателе Гоголя в литературе в тот момент, когда такие же притязания обозначали представители «обличительной литературы», а во-вторых, подспудно становился в один ряд с двумя своими великими предшественниками: Пушкиным и Гоголем. Возникла своеобразная историко-литературная «рифма»: как сюжет «Мертвых душ» был подсказан Гоголю Пушкиным, так и собственно романский сюжет «Обломова» мог быть «подсказан» Гончарову Гоголем.

Другая половина сближений, указаний на очевидную связь «Обломова» и «Мертвых душ» касается исключительно первой части романа. Общеизвестно, что в творческой истории «Обломова» она стоит несколько особняком. Обособленность первой части была столь очевидной, что ее даже переводили как самостоятельное произведение¹.

О видимом всем «несогласии первой части романа со всеми последующими» писал еще А.В. Дружинин, объясняя это несогласие тем, что время написания первой части (1847–1849 гг.) «не было временем поэтической независимости и беспристрастия во взглядах; при всей самостоятельности г-на Гончарова он все же был писателем и сыном своего времени. Обломов жил в нем, занимал его мысли, но еще являлся своему поэту в виде явления отрицательного, достойного казни и по временам почти ненавистного. Во всех первых главах романа, до самого „Сна“ г-н Гончаров откровенно выводит перед нами того героя, который ему сказывался прежде, того Илью Ильича, который представлялся ему как уродливое явление уродливой русской жизни. <...> Боже мой, как далек от теперешнего, сердцу милого Обломова, этот засаленный, нескладный кусок мяса, носящий тоже имя Обломова в первых главах романа».² «Между Обломовым, который безжалостно мучит своего Захара, и Обломовым, влюбленным в Ольгу, <...> лежит целая пропасть <...> Поработав и тяжело поработав над невозможной задачей, г-н Гончаров наконец убедился, что ему не <...> загрузить пропасти, лежащей между двумя Обломовыми. <...> Убедясь в этом, автор романа махнул рукой и подписал под первую часть романа все объясняющую цифру 49 года»³.

Первоначальная редакция первой части была воссоздана в пятом томе АПСС. По проведенной реконструкции видно, что в 1849 г., которым Гончаров датировал текст (датировка эта, разумеется, фиктивная, работа над первой частью продолжалась до конца 1858 г.), это было «начало во многих отношениях другого произведения» (V, 28). По словам В.А. Недзвецкого, роман «Обломовщина», «задуманный еще в рамках натуральной школы, <...> поначалу виделся автору обширной картиной жизни русского дворянина-помещика от колыбели до могилы. От бытописательных произведений 40-х годов она должна была отличаться не столько приемами изображения,

¹ См. об этом: Гуськов С.Н. Хрустальный башмачок Обломова // Русская литература. 2002. № 3. С. 44–52.

² Дружинин А.В. «Обломов». Роман И.А. Гончарова. // «Обломов» в критике. С. 114.

³ Там же. С. 113–114.

сколько эпической масштабностью и полнотой»¹. Этот текст, видимо, имел в виду Гончаров, когда писал в 1866 г. своей литературной Агафье Матвеевне — С.А. Никитенко, что поддался отрицательному направлению, охватившему все общество (начиная с Белинского и Гоголя), «и вместо серьезной человеческой фигуры стал чертить частные типы, уловляя только уродливые и смешные стороны»².

Но, как известно, в 1857 г. случилось «мариенбадское чудо» — Гончаров за несколько месяцев написал совершенно другой роман — и перед ним встала невыполнимая задача связать первую часть с этим новым романом или, точнее, связать в одно целое два абсолютно разных произведения. Содержание этой переработки первой части хорошо известно из публикаций романа Л.С. Гейро в «Литературных памятниках» и Т.И. Орнатской в АПСС. Общую логику исправлений в первой части можно определить как нивелировку стилистики и художественной философии так называемого «гоголевского направления». Гончаров сокращает огромное количество «физиологических» описаний и характеристик Тарантьева, которому в первоначальной редакции первой части посвящен самостоятельный очерк абсолютно в духе натуральной школы (V, 40–54), Захара (V, 122–134), Алексева и, конечно же, Обломова, убирает сценки-физиологии с участием кочующих артистов, собак (V, 138), полностью устраняет сатирически окрашенную удавшуюся было Обломову роль в обществе с некоторыми панаевскими нотками (V, 79–101), и т.д., и т.п.

Разумеется, несмотря на кардинальную переработку текста, первая часть сохраняет многое от времени ее написания и в том числе характерные приметы гоголевского стиля, о которых и говорили цитируемые выше исследователи и критики. Достаточно сказать, что первая фраза романа: «В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов» (IV, 7; курсив мой. — С.Г.) представляет собой узнаваемый пример гоголевского гиперболизма.

Не удивительно, что в процессе переработки текста остались признаки гоголевского стиля. Удивительно, что появились новые. Парадоксально, что в ходе переделки первой части и устранения рудиментов «гоголевского направления» Гончаров создает знаменитый «парад гостей» — последовательность сцен, совершенно явно читаемую как композиционная рифма «галереи помещиков» из поэмы «Мертвые души». Современная исследовательница пишет об этом: «В самых первых главах „Обломова“ гоголевская стилиевая стихия подкреплена усвоением композиционных форм автора „Мертвых душ“. Построение этих глав „Обломова“ почти дублирует главы-портреты из первого тома поэмы»³. Почему же устраняя гоголевскую «стилевую стихию», Гончаров вдруг воспользовался гоголевскими же «композиционными

¹ Недзвецкий В.А. И.А. Гончаров — романист и художник. С. 41.

² Гончаров. Собр. соч. Т. 8. С. 366.

³ Краснощекова. С. 227.

формами»? Тем более странно, что произошло это достаточно поздно, вероятнее всего, в октябре—ноябре 1858 г. Также неоднократно отмечалось, что «парад гостей» обладает слабой художественной мотивировкой: в одно утро в гости к Обломову, который много лет не служит, не бывает в свете, ни с кем не общается, приходит такое количество знакомых; а кроме того, целый ряд персонажей (Волков, Судьбинский, Пенкин) не принимают никакого участия в дальнейшем действии романа.

Этот парадокс в творческой истории «Обломова» вновь возвращает нас к проблеме двойственного отношения Гончарова к Гоголю.

Как представляется, «парад гостей», являясь абсолютно прозрачной композиционной цитатой из «Мертвых душ», обладает в романе не только и, пожалуй, не столько, эстетической, сколько заостренно-полюемической функцией. Той же самой, что и всем заметное сходство Обломова и Тентетникова. Естественно возникающая у читателя, благодаря упомянутой поздней новации, параллель «Обломова» и «Мертвых душ» должна была привести к мысли о Гончарове как истинном преемнике художественной традиции Гоголя, в противовес и «натуральной школе», и только народившейся «обличительной литературе».

Высказанное предположение подтверждается и эпизодом с литератором «реального направления» (IV, 25—28), в котором речь Обломова, обращенная к Пенкину, насыщена гоголевскими аллюзиями и прямыми цитатами (VI, 498—499)¹. Характеристика Пенкина в диалоге с Обломовым, по мнению Туниманова, «носит очень обобщенный, интегрированный характер, затрагивая (в нерасчлененном виде) явления литературной жизни России как 1840-х, так и 1850-х гг.» (VI, 212).

Конечно, этот выпад Гончарова будет замечен, и М.Е. Салтыков-Щедрин уже 29 января 1859 г. в письме к П.В. Анненкову саркастически бросит: «И заметьте ехидство: написано в 1849 году, а на двадцатых страницах есть уже выходки против натурализма»².

В принципе нельзя исключить, что и «парад гостей» вообще, и фигура Пенкина в частности, могли быть Гончарову подсказаны. Известно, что впервые в Петербурге Гончаров читает *все* «Обломова» у Дружинина в марте 1858 г., в присутствии Анненкова и В.П. Печаткина³, а следующие чтения в сентябре начинают со второй части⁴. Очевидно, именно по поводу первой части были высказаны серьезные замечания, к которым Гончаров, как известно, внимательно прислушивался. И в октябре—ноябре 1858 г., как явствует из письма к И.И. Льховскому от 5(17) ноября⁵, Гончаров вновь радикально перерабатывает первую часть.

¹ См. об этом также в комментарии Л.С. Гейро: *Гончаров И.А. Обломов*. Л., 1987. С. 653 (сер. «Лит. памятники»).

² *Салтыков-Щедрин*. Т. 8. Кн. 1. С. 209.

³ *Летопись*. С. 81.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ *Гончаров. Собр. соч.* Т. 8. С. 302.

Потенциальную полемическую функцию «парада гостей» подтверждает и кардинальное изменение в 1858 г. позиции А.В. Дружинина. Любопытно, что в 1855 г. в статье, посвященной предпринятому П.В. Анненковым изданию сочинений Пушкина, Дружинин противопоставляет пушкинскую поэзию Гоголю и его продолжателям. «Что бы ни говорили пламенные поклонники Гоголя, — пишет он, — нельзя всей словесности жить на одних „Мертвых душах“. Нам нужна поэзия. Поэзии мало в последователях Гоголя, поэзии нет в излишне-реальном направлении многих новейших деятелей <...>. Против того сатирического направления, к которому привело нас неумеренное подражание Гоголю, поэзия Пушкина может служить лучшим орудием»¹.

Однако уже в рецензии на «Обломова» Дружинин отказывается от противопоставления Пушкина и Гоголя, утверждая, что это противоречие преодолено в творчестве Гончарова.

Дружинин считает, что именно с «Обломовым» Гончаров выходит на первый план литературного процесса, критически усвоив уроки натуральной школы и преодолев ее, благодаря Пушкину: «Он реалист, но его реализм постоянно согрет глубокой поэзией; по своей наблюдательности и манере творчества он достоин быть представителем самой натуральной школы, между тем как его литературное воспитание и влияние поэзии Пушкина, любимейшего из его учителей, навеки отдаляют от г-на Гончарова возможность *бесплодной* и сухой натуральности»². Дружинин именно в авторе «Обломова» видит настоящего, а не мнимого наследника Гоголя, и даже писателя в каком-то смысле вернувшего читающей публике автора «Мертвых душ» (слишком замусоленного его многочисленными подражателями), потому что у Гончарова в «Обломове» «является истинный смех сквозь слезы — тот смех, который стал было нам ненавистен — так часто им прикрывались скандальные стихотворцы и биографы нетрезвых взяточников! Выражение, так безжалостно опозоренное бездарными писателями, вновь получило для нас свою силу: могущество истинной живой поэзии снова воротило к нему наше сочувствие»³.

Значительно позже, в статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879) Гончаров для характеристики писателей своего поколения использует термин «школа пушкино-гоголевская»⁴, полемично заостренный как против определения В.Г. Белинского («натуральная школа»), так и Н.Г. Чернышевского («гоголевский период»).

Упомянутые эпизоды творческой истории «Обломова» удивительным образом напоминают ход работы над следующим романом Гончарова — «Обрывом», который также подвергся существенной переработке на этапе завершения. Тогда злободневная антинигилистическая линия романа была

¹ Дружинин А.В. А.С. Пушкин и последнее издание его сочинений // Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 79–80.

² Дружинин А.В. «Обломов». Роман И.А. Гончарова // «Обломов» в критике. С. 112.

³ Там же. С. 118.

⁴ Гончаров. Собр. соч. Т. 8. С. 76.

воспринята критикой как погрешность против художественной правды и против собственного писательского кредо Гончарова «sine ira et studio». В случае с «Обломовым» запоздалая полемичность писателя практически не была замечена, если не считать упомянутого выше отзыва Салтыкова-Щедрина, который тоже имел основания считать себя преемником Гоголя. Гончаров так же, как и десятью годами позже, на заключительной стадии работы над текстом как будто стремится опровергнуть суждение В.Г. Белинского, высказанное еще по поводу «Обыкновенной истории»: «Он поэт, художник — и больше ничего. <...> Только он один приближается к идеалу чистого искусства, тогда как все другие отошли от него на неизмеримое пространство...»¹, — опровергнуть и активно включиться в обострившуюся во второй половине 1850-х гг. литературную борьбу, попытавшись вновь объединить два великих имени русской литературы, противопоставленных в пылу литературно-идеологических битв.

¹ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский. Т. 8. С. 382.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

ОБЛОМОВ: КОНСТАНТЫ и переменные

*Сборник
научных статей*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2011